Н. Софистъ.

ПРОЭКТЪ МѢРЪ

для

более точнаго опредѣленія

СТЕПЕНИ УБѢЖДЕННОСТИ

современныхъ писателей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

Н. Софистъ.

ПРОЭКТЪ МѢРЪ

для

более точнаго опредѣленія

СТЕПЕНИ УБѢЖДЕННОСТИ

современныхъ писателей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

Дозволено цензурою. Спб. 25 февраля 1902 г,

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Авторъ этого проэкта—мой школьный товарищъ, о которомъ, впрочемъ, я до сихъ поръ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній вотъ уже почти двадцать лѣтъ. Гдѣ онъ живетъ, чѣмъ онъ живетъ, что онъ дѣлалъ и дѣлаетъ, я совершенно не знаю. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ прислалъ мнѣ рукопись проэкта при небольшомъ письмѣ, въ которомъ просилъ меня довести его проэктъ до всеобщаго свѣдѣнія и, если я найду возможнымъ, оказать съ своей стороны содѣйствіе къ его осуществленію. При этомъ онъ ставилъ непремѣннымъ для меня условіемъ, чтобы я ни подъ какимъ видомъ нигдѣ не называлъ его имени. Но, такъ какъ для удобства критики авторъ каждаго проэкта долженъ имѣть какое нибудь имя, онъ, въ память о той кличкѣ, которую мы дали ему въ студенческіе годы за чрезмѣрную склонность къ отвлеченнымъ тонкостямъ и за излишнее мастерство въ спорахъ, просилъ отмѣтить его Н. Софистомъ.

Я внимательно прочиталъ его, во всякомъ случаѣ любопытную рукопись, содѣйствовать осуществленію

предложенiй автора не считаю для себя возможнымъ, да и не вижу въ этомъ никакой надобности, но, ради прежнихъ товарищескихъ отношенiй, исполняю первую половину его просьбы, т. е. печатаю его проэктъ.

Дѣлаю это неохотно, ибо, во первыхъ, очень недовѣрчиво отношусь ко всякимъ проэктамъ и не питаю склонности къ этой формѣ литературнаго творчества, а во-вторыхъ,—и это главное,—совершенно не раздѣляю взглядовъ и убѣжденiй автора. Тотъ, кто предлагаетъ крупныя перемѣны въ общественной и литературной жизни, очевидно, недоволенъ современнымъ положенiемъ вещей, чего я отнюдь не могу сказать про себя. Проэктъ недостаточно проникнутъ духомъ и идеями нашего времени и для меня именно въ этомъ главный его недостатокъ.

Неожиданный и поразительный прогрессъ знанiя и мышленiя въ области соцiальныхъ наукъ, которому я никогда не перестану удивляться, и могучiй подъемъ духа общественности и солидарности, которымъ нашъ вѣкъ можетъ гордиться преимущественно передъ всѣми другими,—даютъ блестящее доказательство того, что человѣчество вышло, наконецъ, на настоящую дорогу и медленно, но увѣренно идетъ впередъ въ свѣтлыя области правды и идеала.

Лучшiе умы нашего времени съ генiальною простотою и ясностью поставили задачи для сознательной и разумной дѣятельности нашей интеллигенцiи, а просвѣщенные дѣятели высоко подняли знамя прогрессивныхъ началъ, съ рѣдкою энергiею и исключительнымъ тактомъ направляя теченiе общественной мысли въ заготовленное для нея русло.

Передъ блескомъ и величiемъ этого торжественнаго зрѣлища теряютъ свое значенiе второстепенныя подробности жизни, ибо въ стройности и законченности теорiи дается незыблемая основа для экономическаго, умственнаго и нравственнаго возрожденiя человѣчества. Всѣ существенные вопросы въ области соцiальныхъ и общественныхъ отношенiй или рѣшены окончательно, или поставлены на очередь.

Безпокойный духъ недовѣрчивости и сомнѣнiя звучитъ какимъ-то оскорбительнымъ диссонансомъ въ этой дивной гармонiи, и мелочная придирчивость неумѣстной критики своею надоѣдливостью только раздражаетъ людей пылкаго убѣжденiя и непоколебимой вѣры.

И это я ставлю въ главную вину автору проэкта.

Кромѣ того, какъ въ основной мысли, такъ и въ подробностяхъ его предложенiя я вижу что-то педантическое, оттѣнокъ какого-то бездушнаго и сухого формализма, смѣшной и грубый культъ школьной

логики. Въ высокой и свѣтлой области убѣжденій господствуетъ и должна господствовать полная свобода, безъ всякихъ стѣсненій и ограниченій, откуда бы они ни шли и какимъ бы именемъ они ни прикрывались.

Не имѣя достаточныхъ свѣдѣній въ области экономической и финансовой политики, я не рѣшаюсь сказать свое слово о денежной и дѣловой сторонѣ въ проэктѣ моего бывшаго товарища и отъ специалистовъ буду ждать авторитетныхъ указаній на допущенные здѣсь промахи и ошибки.

Думается мнѣ, что, доводя это предложеніе до всеобщаго свѣдѣнія, этимъ самымъ я его и уничтожаю, ибо я безусловно убѣжденъ, что всѣ ухищренія обскурантизма окажутся безсильными передъ стойкостью и убѣжденностью достойныхъ представителей прогрессивной идеи.

Но предоставляю слово автору проэкта.

Издатель.

19-го февраля 1902 г.
С.-Петербургъ.

ИСТОРІЯ ВОЗНИКНОВЕНІЯ ПРОЭКТА.

Отчасти по личной неосмотрительности, а главнымъ образомъ по неблагосклонности ко мнѣ Фортуны я своевременно не могъ подавить въ себѣ влеченія къ математическимъ и такъ называемымъ умозрительнымъ наукамъ, что, впрочемъ, не имѣло бы для меня такихъ печальныхъ, воистину трагическихъ послѣдствій, если бы я въ то же время съумѣлъ отказаться отъ другой и такой же настойчивой склонности, а именно отъ склонности слѣдить по газетамъ и журналамъ за великими событіями современной жизни и за смѣною идей и направленій въ области общественнаго сознанія.

Если дни моей жизни были полны скорби и мученій, если даже въ лучшіе годы всѣ радости были для меня отравлены, то единственная причина этого заключается именно въ этой двойственности моего умственнаго интереса.

Когда я имѣлъ дѣло съ серьезными научными изслѣдованіями, я всегда обращалъ особенное вниманіе на ту поразительную сдержанность и осторожность, съ которыми опытные мыслители, послѣ длиннаго ряда блестящихъ доказательствъ, дѣлали

свое заключеніе. Они высказывали свою мысль, только какъ возможное предположеніе, наиболѣе соотвѣтствующее современному уровню науки. И я скорбѣлъ, что мы знаемъ такъ мало, что наши даже скромные и нерѣшительные выводы такъ шатки и ненадежны, что мы такъ недалеко ушли отъ мыслителей древности, которые стояли передъ тѣми же загадками и тайнами.

Когда я читалъ газеты и журналы, я не могъ не видѣть, что наши талантливые писатели и журналисты имѣютъ незыблемыя и непреложныя убѣжденія по всѣмъ вопросамъ знанія и практической жизни,—по вопросамъ иногда очень сложнымъ и очень запутаннымъ. Оказывалось, что всѣ существенные какъ въ области духа, такъ и въ области матеріи вопросы рѣшены, новыхъ вопросовъ не предвидится, а вопросы совѣсти и нравственнаго долга для даннаго времени безапелляціонно рѣшаются самыми популярными фельетонистами и публицистами, которымъ присвоено особое наименованіе «учителей жизни». Я пытался гордиться тѣмъ, что институтъ учителей жизни, такой простой и такой удобный, неизвѣстный древности и минувшимъ вѣкамъ человѣческой исторіи, развязываетъ всѣ гордіевы узлы и, освобождая каждаго отъ личной отвѣтственности за выборъ и направленіе дѣятельности, открываетъ дорогу для безпрепятственнаго и быстраго движенія на самыя гордыя вершины духовной зрѣлости и нравственнаго совершенства. Но, погордившись, я смирялся духомъ и скорбѣлъ о томъ, что мы знаемъ

подозрительно много, что учителя жизни смѣняются подозрительно часто, что степень современной убѣжденности почти всегда стоитъ въ обратномъ отношеніи къ доказательности. И, удрученный почти всевѣдѣніемъ, я снова обращался къ умозрительнымъ наукамъ, чтобы вмѣстѣ съ философами тосковать о томъ, что мы знаемъ слишкомъ мало.

Это были дни величайшаго унынія и скорби. «Нѣтъ ничего печальнѣе,—говорилъ Данте,—какъ въ годину бѣдствій и страданій вспоминать дни счастья». И я знаю, что это вѣрно, ибо я самъ на себѣ испыталъ это. Тамъ назади, какъ дивный миражъ, роскошныя нивы и тучныя пажити гордой и властной убѣжденности, здѣсь сухой песокъ и голые камни сомнѣнія и критики. Тамъ шумный и нарядный праздникъ, громъ кимваловъ, цвѣты, пѣсни и хороводы,—здѣсь великое безмолвіе и тишина пустыни. И я мучительно завидовалъ многострадальному Іову, ибо Іовъ, откинувъ дерзкія сомнѣнія, всталъ съ гноища и—даже не безъ нѣкотораго приращенія—все получилъ, что когда-то утратилъ. А я не могъ питать надежды на возмѣщеніе убытковъ, ибо, если «на очи мудрыхъ ночь легла», все же нельзя успокоиться на индифферентизмѣ, такъ какъ это, по словамъ великаго мудреца, «отецъ хаоса и ночи».

Однажды, помню, среди мученій, достойныхъ терциновъ новаго Данте, у меня на минуту блеснулъ лучъ надежды. Какъ-то я открылъ «Критику чистаго разума» и на страницѣ 574-й съ глубокимъ волненіемъ прочиталъ слѣдующія строки:

«Мнѣніе—это признаніе чего-либо за вѣрное съ сознаніемъ какъ объективной, такъ и субъективной его недостаточности. Если это признаніе съ субъективной стороны достаточно, а съ объективной достаточнымъ не считается, то это называется вѣрой. Наконецъ, увѣренность, достаточная какъ субъективно, такъ и объективно, называется знаніемъ. Субъективная достаточность называется убѣжденіемъ (для меня самого), объективная — достовѣрностью (для каждаго)».

Формула Канта мнѣ показалась настолько опредѣленной и ясной, что — думалось мнѣ—на ней могли бы сойтись всѣ мыслители, взвѣшивающіе основанія для увѣренности и убѣжденности. У меня явилась мысль, что если бы всѣ безъ исключенія люди,—т. е. фельетонисты, писатели, учителя жизни и вожди человѣчества съ одной стороны, ученые и философы съ другой,—согласились принять и всегда примѣнять эту терминологію, то въ области мышленія наступила бы пора такой дивной гармоніи, такой плодотворной работы, такихъ великихъ побѣдъ и завоеваній, что счастливые сыны золотого вѣка, если такой вѣкъ дѣйствительно былъ, въ обители блаженныхъ, если она есть, затосковали бы о томъ, что они родились не въ наши дни. И надъ 574-ою страницею «Критики чистаго разума» я долго мечталъ о тѣхъ безоблачныхъ и ясныхъ дняхъ, которые судьба готовитъ утомленному человѣчеству въ будущемъ.

Но сквозь мечты, которыя ласкали умъ и нѣжили сердце, до меня скоро донесся насмѣшливый и холодный голосъ разума. Если фельетонисты, журналисты, учителя жизни и вожди человѣчества съ особенною охотою располагаются подъ знаменемъ науки, если профессора нашихъ дней стремительно и бурно вторгаются въ хижины и дворцы повременной печати, то это еще отнюдь не значитъ, что два враждебныхъ лагеря примирились. Компромиссъ невозможенъ не столько потому, что здѣсь умы различны по силѣ и широтѣ мышленія, но, главнымъ образомъ, потому, что здѣсь различны темпераменты и интересы. Публицисты и писатели въ суровыхъ условіяхъ современной жизни должны быть безусловно убѣжденными, ибо обязаны служить обществу, въ виду чего, какъ бы влекомые рокомъ, уходятъ за геркулесовы столбы убѣжденности и, не имѣя времени для изученія, а поэтому и для знанія, обнаруживаютъ чрезмѣрную рѣшительность и непреклонность. А наука, которая служитъ обществу, уже не наука, а Сирена, правда до чреслъ обольстительная, но съ рыбьимъ хвостомъ и поетъ она въ хорѣ не по минутному увлеченію и не по любви къ искусству, а по контракту съ антрепренеромъ. И профессоръ, который служитъ не наукѣ, а обществу, уже не профессоръ, а публицистъ, который званіемъ публициста весь и исчерпывается и ничего профессорскаго въ немъ не остается.

Поэтому, если, съ одной стороны, соглашеніе здѣсь легко и удобно, то съ другой—это договоръ фиктивный, ибо совершается черезъ подставныхъ лицъ, безъ вѣдома и согласія одной изъ заинтере-

сованныхъ сторонъ. Настоящее же соглашенiе уже по самой несогласимости интересовъ невозможно.

Не находя возраженiй на эти рѣчи и потерявъ послѣднюю надежду, я надолго впалъ въ состоянiе полнаго равнодушiя къ жизни и постыдно — безъ вѣры и надежды, безъ попытокъ къ упорной и дѣятельной борьбѣ за дѣло, мнѣ дорогое,—въ праздности влачилъ свое существованiе. Но годы идутъ, а съ годами мѣняется какъ тѣлесный, такъ и духовный составъ человѣка. Если юношу плѣняютъ мечты о несбыточномъ и невозможномъ, то въ годы полной зрѣлости отъ теорiи надо перейти къ дѣлу и всѣми мѣрами стоять за ту правду, которая открывается, какъ правда, каждому на его посту и въ сферѣ его дѣятельности. Если по жестокому капризу судьбы я обреченъ всю жизнь страдать отъ модальности, – а этимъ именно словомъ философы обозначаютъ степень достовѣрности сужденiй по опредѣленiямъ возможности, дѣйствительности и необходимости,—то ради модальности я долженъ бороться и трудиться до конца своихъ дней.

Такъ я сказалъ себѣ и сталъ искать способовъ для практическаго осуществленiя своего замысла. Но что же дѣлать? И – главное—съ чего начать?

Есть что-то таинственное и чудесное въ зарожденiи каждой счастливой мысли. Внѣшнiй поводъ для нея малъ и самъ по себѣ ничтоженъ, но какъ-то вдругъ онъ прiобрѣтаетъ необыкновенную значительность и даетъ толчокъ къ великимъ открытiямъ и изобрѣтенiямъ.

Такое чудо было и со мною. Послѣ долгаго отсутствiя я вернулся къ своимъ пенатамъ, прошелъ въ кабинетъ и сѣлъ къ письменному столу. На столѣ лежала «Критика чистаго разума», все еще открытая на 574-ой страницѣ. Слишкомъ печальна по воспоминанiямъ была для меня эта страница и я перевернулъ ее. И вотъ на страницѣ 576-ой я прочиталъ слѣдующее:

«Пробнымъ камнемъ того, есть ли нѣчто увѣренность или, по крайней мѣрѣ, субъективное убѣжденiе, т. е. твердая вѣра въ то, что кто-либо утверждаетъ, — это пари (закладъ). Часто кто-нибудь высказываетъ свои убѣжденiя съ такимъ увѣреннымъ и непоколебимымъ упорствомъ, что, повидимому, совершенно и не думаетъ о возможности ошибки. Пари дѣлаетъ его осторожнѣе. Иногда оказывается, что онъ имѣетъ довольно убѣжденiя на одинъ дукатъ, но мало для десяти. Онъ охотно рискуетъ на одинъ, но для десяти онъ въ первый разъ сознаетъ то, чего не сознавалъ прежде, а именно, что онъ, можетъ быть, и ошибается. Если въ мысли представятъ себѣ, что пари идетъ на счастье всей жизни, то торжествующее сужденiе совсѣмъ исчезнетъ и мы тогда въ первый разъ замѣтимъ, что наша вѣра была далеко недостаточна. Такъ прагматическая вѣра имѣетъ свои степени, которыя могутъ быть бо̀льшими или меньшими, смотря по различiю замѣшанныхъ здѣсь интересовъ».

Въ этихъ словахъ Канта я нашелъ то, чего я такъ долго и такъ мучительно искалъ. Есть, зна-

читъ, возможность поставить вопросъ объ убѣжденіяхъ на совершенно практическую почву. Дѣло ясно. Если человѣкъ по лѣности, по торопливости или по легкомыслію не строго опредѣляетъ какъ для себя, такъ и для другого степень своей убѣжденности, его надо поставить въ такія условія, чтобы онъ сознательно и добросовѣстно сдѣлалъ это серьезное и отвѣтственное дѣло во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній и соблазна.

На этой основѣ я и создалъ мой проэктъ.

Не думаю, чтобы при настоящихъ условіяхъ можно было поднимать вопросъ объ утвержденіи моего проэкта въ законодательномъ порядкѣ, ибо это дѣло слишкомъ новое и поэтому благоразумно выждать время, когда опытъ укажетъ тѣ стороны, которыя нуждаются въ законодательномъ опредѣленіи. Но я считаю своимъ долгомъ теперь же довести свой проэктъ до всеобщаго свѣдѣнія, ибо разсчитываю на серьезное отношеніе къ моей мысли со стороны всѣхъ людей, страдающихъ отъ избытка убѣжденности современныхъ писателей и публицистовъ. Если просвѣщенные и проницательные умы, которыми, при общемъ оживленіи умственной жизни и широкомъ распространеніи просвѣщенія въ массахъ, особенно богато наше время, соблаговолятъ остановить свое вниманіе на моемъ проэктѣ, дѣло мое станетъ на незыблемыхъ и прочныхъ основахъ —на диво вѣкамъ, какъ египетскія пирамиды.

Мой проэктъ простъ. Вотъ онъ.

ПРОЭКТЪ.

Статья I.

Каждый фельетонистъ, публицистъ, писатель и учитель жизни, который въ своихъ произведеніяхъ пожелаетъ отмѣтить степень своей убѣжденности въ томъ или другомъ сужденіи, обязанъ въ скобкахъ указать, сколько рублей или копѣекъ онъ ставитъ на конъ, какъ пари или закладъ, противъ каждаго изъ своихъ возможныхъ противниковъ. Тогда форма фразы будетъ примѣрно такою. «Я безусловно убѣжденъ (5 р. 40 к.), что народы дикіе любятъ свободу, а народы образованные любятъ порядокъ». Или—«ясно, какъ день (11 коп.), что народы дикіе не любятъ свободы, а народы образованные не любятъ порядка».

Въ теченіе трехъ дней со дня появленія подлежащей статьи въ печати каждый русскій подданный (или иностранецъ, проживающій по своимъ дѣламъ въ Россіи), достигшій гражданскаго совершеннолѣтія и не состоящій подъ судомъ и слѣдствіемъ, имѣетъ право подать заявленіе о своемъ намѣреніи оспаривать въ суммѣ ставки автора основательность его утвержденія передъ тѣми установленіями и въ

томъ порядкѣ, которые опредѣляются по статьѣ II-ой сего проэкта.

Въ свою очередь каждый авторъ статьи передъ тѣми же установленіями имѣетъ право ходатайствовать объ ограниченіи въ порядкѣ записи числа противниковъ, принявшихъ его вызовъ по каждому его утвержденію, и судъ можетъ снизойти къ этой просьбѣ, если въ противномъ случаѣ человѣку почтенному и талантливому, но неосторожному или просто несчастному въ игрѣ, грозитъ опасность быстраго и полнаго разоренія. Трехдневный (а не большій) срокъ для заявленій опредѣляется, главнымъ образомъ, въ виду вполнѣ естественной забывчивости писателей, быстрой измѣнчивости ихъ настроенія и разнообразія отношеній съ различными органами повременной печати.

Пояснительное замѣчаніе къ статьѣ I. Если бы годовой бюджетъ (какъ по статьямъ прихода, такъ и по статьямъ расхода) у каждаго образованнаго человѣка выражался въ однѣхъ и тѣхъ же цифрахъ, то статья первая не нуждалась бы въ дополненіи. Но, такъ какъ по нерасторопности и нераспорядительности соціалъ-демократовъ земныя блага все еще распредѣлены недостаточно равномѣрно, необходимо принять во вниманіе и эту сторону дѣла, ибо въ противномъ случаѣ были бы нарушены незыблемыя основы гуманности и справедливости. Само собою разумѣется, что человѣкъ состоятельный можетъ гораздо больше тратить на свои убѣжденія, чѣмъ человѣкъ бѣдный. Въ виду этого, дабы уравновѣситъ шансы, необходимо установить нижеслѣдующее правило, какъ дополненіе къ статьѣ I.

Дополненіе къ статьѣ I. Каждый фельетонистъ, публицистъ, писатель, учитель жизни и вождь человѣчества подъ заголовкомъ своей статьи или замѣтки въ скобкахъ обязанъ точно указать сумму всего своего состоянія или получаемаго имъ содержанія.

Пояснительное замѣчаніе къ дополненію. Если на основѣ эволюціи и дифференціаціи всѣ формы общественной жизни становятся разнообразнѣе и пестрѣе, то вполнѣ естественно, что и въ области денежной состоятельности замѣчается такая же пестрота и такое же разнообразіе, если и не по суммѣ дохода, то по источникамъ доходности. Въ виду этого, для безусловной правильности сужденія объ убѣжденности писателя по суммѣ заявленной имъ ставки, необходимо отмѣчать не только общую сумму, но и источники доходности. На первыхъ порахъ, пока эта сторона дѣла еще недостаточно выяснилась на практикѣ, можно было бы остановиться на слѣдующихъ четырехъ главныхъ категоріяхъ. 1) Лица, состоящія на государственной службѣ, въ скобкахъ подъ заголовкомъ статьи или замѣтки даютъ примѣрно слѣдующія показанія: «годовое жалованье — 3.000 р. Литературный заработокъ отъ 500 до 1.000 р. въ годъ». 2) Писатели по профессіи, живущіе исключительно литературнымъ тру-

домъ, даютъ свои показанія въ такой примѣрно формѣ: «годовой гонораръ около 6.000 р. и стороннихъ поступленій наберется почти столько же». 3) Для именитыхъ представителей торговли и промышленности въ скобкахъ же, но жирнымъ шрифтомъ пишется примѣрно: «около *500.000* годового дохода». 4) Для лицъ дѣйствительно съ неопредѣленными средствами, для которыхъ всякое точное цифровое показаніе могло бы оказаться очень затруднительнымъ, форма заявленія могла бы быть установлена примѣрно такая: «сколько наберется, а въ общемъ не густо».

Такая постановка дѣла кажется мнѣ и цѣлесообразной и справедливой. Если, напримѣръ, человѣкъ, имѣющій 200.000 годового дохода, пишетъ: «современная наука въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей уже давно и прочно установила, что пора дикимъ народамъ перестать любить свободу и подъ руководствомъ народовъ образованныхъ полюбить порядокъ»,—и за это свое убѣжденіе ставитъ на конъ всего два съ полтиной, то степень его убѣжденности легко измѣряется процентнымъ отношеніемъ суммы ставки къ общей суммѣ его состоянія. Другой примѣръ. Если писатель, еще не имѣющій опредѣленнаго бюджета, напишетъ, обнаруживая излишество убѣжденности: «морду набью тому мерзавцу (рубль, чортъ возьми!), который осмѣлится утверждать, что народы образованные любятъ порядокъ», — то его убѣжденность никого въ соблазнъ не введетъ, ибо объясняется самыми условіями существованія автора.

Въ виду общей демократизаціи науки и духа и аристократизаціи пищи и напитковъ, разумно, справедливо и даже необходимо установить, чтобы авторы, хотя бы въ общихъ чертахъ, указывали главныя черты своей расходной смѣты, ибо и быстрота денежнаго обращенія у каждаго оказываетъ нѣкоторое вліяніе на приливы и отливы убѣжденности. Въ принципѣ и по существу дѣла это очень существенная подробность въ моемъ проэктѣ, но по житейской неопытности и по незнакомству съ цѣнами на съѣстные припасы и приличныя развлеченія въ столицахъ, гдѣ именно и сосредоточивается идейная дѣятельность и убѣжденность, я не могъ разработать въ подробностяхъ этотъ серьезный и существенный вопросъ. Надѣюсь, что мои единомышленники (если только они у меня будутъ), проживающіе въ большихъ городахъ, не оставятъ меня своими авторитетными указаніями и помогутъ мнѣ составить табличку главныхъ расходовъ современныхъ писателей, профессоровъ-публицистовъ, учителей жизни и вождей человѣчества.

Первое примѣчаніе къ статьѣ I-ой. Поэты, пока они пользуются только стихотворною рѣчью и только для цѣлей поэзіи, освобождаются отъ всякаго риска за свои убѣжденія, ибо они какъ въ коммерческомъ, такъ и въ иныхъ отношеніяхъ и безъ того кредитомъ не пользуются и, поглощенные мечтами о славѣ, къ дѣйствительности отношенія не имѣютъ. Такъ превосходный и неизмѣримо оригинальный К. Д. Бальмонтъ лѣтъ поди съ десять ста-

рается увѣрить русскую интеллигенцію въ преступности и извращенности своихъ инстинктовъ, но настоящаго кредита и до сихъ поръ не имѣетъ, ибо всѣ попрежнему смотрятъ на его стихи, какъ на нѣчто, что «не суть важное».

Второе примѣчаніе къ статьѣ I-ой. Хроникеры, репортеры и интервьюеры—отчасти по тѣмъ же причинамъ, что и поэты, т. е. по отсутствію или недостатку кредита, отчасти по малой прикосновенности ихъ къ литературѣ—тоже освобождаются отъ обязанности указывать сумму ставки за степень своей убѣжденности, но, въ виду ихъ огромной причастности къ печатному дѣлу, остаются въ порядкѣ отвѣтственности въ прежнемъ положеніи. Такимъ образомъ, если репортеръ за вступительною фразою: «въ извѣстныхъ кругахъ упорно держатся слухи, до источника которыхъ намъ не удалось добраться, что уважаемый NN»,—послѣдуетъ перечень правонарушеній по статьямъ гражданскаго и уголовнаго уложенія, то репортеръ подлежитъ отвѣтственности не за свои убѣжденія, а за дѣяніе, уже предусмотрѣнное закономъ.

Третье примѣчаніе къ статьѣ I-ой. Подлежащія установленія (см. ст. II), имѣя неуклонное наблюденіе за дѣлами этого рода въ журналистикѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣютъ право налагать на авторовъ штрафъ, что, впрочемъ, не освобождаетъ автора отъ обязанности выходить, по заявленію охотниковъ, на состязаніе въ суммѣ заявленной имъ ставки. Штрафъ, довольно значительный, опредѣ-

ляется примѣнительно къ суммѣ всего состоянія автора, а не къ суммѣ его ставки. Предвижу три главныхъ статьи для непремѣннаго и немедленнаго примѣненія штрафной системы. 1) Пользуются кредитомъ такія, напримѣръ, заявленія. «Лучшая часть нашей печати (варіанты: «всѣ передовые умы человѣчества», или «всѣ просвѣщенные и истинно культурные люди») давно уже проповѣдуетъ, что не только народы дикіе, но и народы образованные любятъ свободу». Другой примѣръ. «Всѣ здравомыслящіе и благонамѣренные люди въ одинъ голосъ утверждаютъ, что народы образованные свободы не любятъ, а любятъ только порядокъ». Подобныя выраженія каждый разъ караются наложеніемъ штрафа, причемъ приговоръ объявляется въ окончательной формѣ и безъ права апелляціи, ибо авторъ, ссылаясь на «всѣхъ» передовыхъ и на «всѣхъ» благонамѣренныхъ людей, какъ на своихъ единомышленниковъ, никакихъ доказательствъ дѣйствительности такого единомыслія не даетъ и такимъ образомъ, какъ бы уклоняясь отъ риска за собственный счетъ, пытается возложить часть отвѣтственности на нѣчто неопредѣленное, миѳическое и, можетъ быть, даже несуществующее. 2) Штрафомъ въ двойномъ, а при повтореніи въ тройномъ размѣрѣ карается слѣдующее—конечно, по его формѣ, а не по его содержанію,—сужденіе: «статистика учитъ (варіантъ: «новѣйшія статистическія изслѣдованія съ несомнѣнностью доказали»), что народы образованные не любятъ порядка»,—ибо новѣйшая статистика учитъ по по-

вому методу, т. е. смотря по надобности и примѣнительно къ обстоятельствамъ, учитъ то такъ, то иначе, часто обнаруживаетъ излишнюю гибкость и уклончивость и въ краснорѣчіи цифръ обнаруживаетъ не серьезность, а кокетливую искательность. 3) Простымъ штрафомъ облагаются заявленія излишней осторожности и нерѣшительности,—напримѣръ: «а чортъ его тамъ разберетъ, что любятъ народы образованные»,—ибо здѣсь не только обнаруживается попытка уклониться отъ риска за свое сужденіе, но даже—въ нарушеніе прямыхъ интересовъ читателей и подписчиковъ—отсутствуетъ и самое сужденіе, а предполагается, что тотъ, кто пишетъ и печатаетъ, имѣетъ сказать что-нибудь и о чемъ-нибудь.

Суммы, имѣющія поступать изъ штрафныхъ за убѣжденность денегъ, должны быть обращаемы на учрежденіе, устройство и содержаніе приличнаго убѣжища для престарѣлыхъ, увѣчныхъ и разоренныхъ штрафами писателей и публицистовъ.

Статья II.

Если писатель, публицистъ, учитель жизни или вождь человѣчества не пожелаетъ по первому требованію уплатить причитающіяся съ него деньги въ размѣрѣ заявленной имъ ставки, дѣло переносится въ особый третейскій судъ, которому присвояется

наименованіе «Постоянный по дѣламъ объ убѣжденности третейскій судъ». Задача постояннаго по дѣламъ объ убѣжденности третейскаго суда состоитъ не въ установленіи общеобязательной, безусловной или, какъ говорятъ философы, аподиктической достовѣрности, но въ опредѣленіи соотношенія между соображеніями, фактами и доказательствами автора и степенью рѣшительности его утвержденій.

Пояснительное замѣчаніе къ статьѣ II-ой. Всѣ дѣла этой категоріи должны быть изъяты изъ вѣдѣнія общихъ судебныхъ установленій, какъ и безъ того обремененныхъ дѣлами гражданскаго и уголовнаго судопроизводства. Кромѣ того, современная юстиція, которая всегда имѣетъ дѣло съ проступками и правонарушеніями, т. е. дѣяніями, едва ли располагаетъ достаточными средствами для того, чтобы опредѣлить, когда убѣжденность перестаетъ быть убѣдительною, что именно бываетъ при столкновеніи убѣжденія съ свидѣтельскими показаніями здраваго смысла и съ законами логики. Въ виду этого, впредь до болѣе подробнаго выясненія правилъ въ этой области спорта, свободное состязаніе тяжущихся сторонъ завершается приговоромъ третейскаго суда, постановляемымъ по совѣсти и по личному убѣжденію.

Первое примѣчаніе къ ст. II-ой. Предсѣдатель и члены третейскаго суда ни изъ государственнаго казначейства, ни отъ частныхъ лицъ и обществъ никакого содержанія не получаютъ, а служатъ изъ чести.

Пояснительное замѣчаніе къ первому примѣчанію къ ст. II-ой. Едва ли слѣдуетъ опасаться, что не найдется достаточно охотниковъ на роли третейскихъ судей, ибо дѣло всегда можно поставить такъ, что исполненіе судебныхъ обязанностей будетъ сопряжено съ почетомъ и внѣшними отличіями. Членъ третейскаго суда, съ честью отсидѣвшійся на десяти процессахъ объ убѣжденности, получаетъ званіе несмѣняемаго судьи, а это, несомнѣнно, явится достаточнымъ обезпеченіемъ его дальнѣйшаго безпристрастія и неподкупности. Если по нашему климату лавровые и дубовые (за гражданскія заслуги) вѣнки окажутся непригодными, то можно установить формы мундира, наплечныхъ знаковъ и фуражки, а также титулы и наименованія съ правомъ писаться этими титулами и наименованіями какъ въ частной, такъ въ дѣловой и оффиціальной перепискѣ. На всемъ протяженіи моего проэкта я нигдѣ не предрѣшаю подробностей и частностей, но здѣсь позволю себѣ замѣтить, что, напримѣръ, титулъ «Ваша Объективность» могъ бы оказаться достаточно внушительнымъ и достаточно заманчивымъ для многихъ выдающихся умовъ нашего времени. Если въ Греціи и въ Римѣ поэты, художники и государственные люди не щадили трудовъ и усилій, чтобы только добиться почетнаго за заслуги вѣнка, то герои и подвижники нашихъ дней, въ силу своей культурности, несомнѣнно, обнаружатъ еще больше рвенія и энтузіазма, ибо культурность въ томъ именно и состоитъ, что общество съ каждымъ годомъ выдѣляетъ изъ себя все больше и больше людей непоколебимаго долга, исключительной силы духа, беззавѣтнаго самоотверженія, безусловной неподкупности и высокой гражданской доблести, такъ что въ наши дни въ этой области можно скорѣе опасаться экономическаго кризиса въ виду перепроизводства, чѣмъ процентнаго пониженія въ отборѣ людей правдивыхъ и честныхъ.

Второе примѣчаніе къ ст. II-ой. Адвокаты и ихъ помощники не могутъ исполнять обязанностей членовъ третейскаго суда.

Пояснительное замѣчаніе ко второму примѣчанію къ ст. II-ой. Для нашихъ современниковъ второе примѣчаніе по своей ясности и простотѣ едва ли нуждается въ поясненіи, но я считаю нужнымъ сдѣлать это пояснительное замѣчаніе для моихъ будущихъ комментаторовъ и читателей грядущихъ вѣковъ, когда, можетъ быть, превосходный порядокъ, существующій нынѣ, подвергнется измѣненіямъ или порчѣ. Если въ древней Греціи адвокатъ передъ началомъ засѣданія вносилъ предсѣдателю суда опредѣленную, иногда довольно значительную сумму денегъ въ видѣ залога и въ случаѣ проигрыша дѣла лишался этого залога, то въ настоящее время, когда въ рѣшительные моменты судопроизводства еще больше значенія пріобрѣтаетъ голосъ совѣсти и личнаго убѣжденія, всѣ слѣды этихъ варварскихъ порядковъ устранены и совѣсти адвоката предоставленъ полный просторъ. Высокое достоинство существующаго порядка заключается въ томъ, что въ адвокатской

средѣ особенно цѣнится убѣдительность, хотя бы въ ущербъ доказательности, а вовсе не убѣжденность. Въ этой достопочтенной корпораціи убѣжденность составляетъ профессіональную тайну, а тайна на то вѣдь и тайна, чтобы держать ее въ секретѣ. Но именно это мудрое правило юридической этики, которое вполнѣ обезпечиваетъ интересы правосудія, создаетъ изъ адвокатовъ особую породу людей, необыкновенно и даже излишне компетентныхъ въ вопросахъ объ убѣжденности. Есть основаніе опасаться, что подсудимые, изучивъ въ цѣломъ рядѣ процессовъ тонкости и возможные извороты дѣлъ въ этой области, переймутъ мастерство опытныхъ юристовъ и обнаружатъ столько утонченности, ловкости, краснорѣчія и коварства, что тогда Истина станетъ такою же слѣпою, какъ слѣпа Ѳемида. Кромѣ того, адвокаты и ихъ помощники, особенно солидные, т. е. не обойденные дарами Фортуны, при своемъ совершенно исключительномъ отношеніи къ вопросамъ объ убѣжденности, могутъ обнаружить склонность слишкомъ презрительно и саркастически относиться къ суммѣ ставокъ за убѣжденія у писателей, а это было бы несправедливо, ибо тогда блескъ литературной этики блѣднѣлъ бы передъ блескомъ этики адвокатской.

Примѣчаніе третье къ ст. II-ой. Судопроизводство по дѣламъ объ убѣжденности должно быть безусловно гласнымъ, и ни одно дѣло не можетъ быть разсматриваемо при закрытыхъ дверяхъ.

Пояснительное замѣчаніе къ третьему примѣчанію. Судопроизводство по дѣламъ и преступленіямъ идейной убѣжденности должно быть не только гласнымъ, но и особенно торжественнымъ въ виду рѣдкой поучительности и огромнаго воспитательнаго значенія тяжебныхъ дѣлъ этого рода. Я убѣжденъ, что только этимъ путемъ создастся новый порядокъ вещей и совершится то перерожденіе человѣчества, неотложность котораго давно уже проповѣдуется лучшими умами нашего вѣка. Но вопросъ объ осуществимости именно этой стороны дѣла и при томъ въ приличныхъ размѣрахъ, признаюсь откровенно, представляется мнѣ болѣе труднымъ, чѣмъ это могло бы показаться съ перваго взгляда. На первыхъ порахъ—по новизнѣ дѣла и рѣдкой занимательности зрѣлища—залы и аудиторіи третейскихъ судовъ будутъ, конечно, полны. Но, когда заманчивая прелесть новизны утратитъ свое обаяніе и уступитъ мѣсто пресыщенію и скукѣ, придется основательно подумать о поддержаніи на должной высотѣ блеска и торжественности судопроизводства по этимъ дѣламъ. На первыхъ порахъ мнѣ казалось, что единственнымъ средствомъ для устраненія этого затрудненія было бы: приглашать на подобныя состязанія и тяжбы зрителей и слушателей (съ обязательствомъ высидѣть непремѣнно до конца засѣданія) за опредѣленную плату, причемъ расходы на наемъ слушателей, какъ судебныя издержки, возложить на тяжущіяся стороны. Но я опасался, что такое постановленіе, безмѣрно увеличивая стоимость процесса, могло бы подавить въ писателяхъ всякое поползно-

веніе къ убѣжденности и могло бы погрузить ихъ въ бездны и пучины полнаго равнодушія и мрачнаго отчаянія, а это, въ свою очередь, могло бы очень неблагопріятно отразиться на судьбахъ міра и на прогрессѣ человѣчества. Это меня очень удручало. Но въ минуту счастливаго вдохновенія мнѣ удалось найти средство, вполнѣ соотвѣтствующее духу нашего вѣка, характеру современной общественности и самымъ впечатлительнымъ инстинктамъ человѣчества въ его живыхъ поколѣніяхъ. На основѣ именно этой счастливой мысли и возникаетъ у меня четвертое и послѣднее примѣчаніе къ ст. II-ой.

Примѣчаніе четвертое къ ст. II-ой. Каждый изъ зрителей или слушателей, присутствующихъ на томъ или иномъ процессѣ объ убѣжденности, имѣетъ право по взаимному соглашенію держать пари съ каждымъ другимъ изъ присутствующихъ на засѣданіи за ту или другую изъ тяжущихся сторонъ. Въ каждой подобной аудиторіи для удобства публики учреждается тотализаторъ.

Пояснительное замѣчаніе къ четвертому примѣчанію. Было бы ошибочно умалять значеніе этого четвертаго примѣчанія въ общей системѣ моего проэкта. Нельзя не видѣть, что при такой постановкѣ дѣла благородные инстинкты современнаго общества станутъ еще благороднѣе, до извѣстной степени достигнутъ возможнаго совершенства и, во всякомъ случаѣ изъ сферъ низменныхъ поднимутся въ возвышенныя области убѣжденія, а можетъ быть и идеала. Въ этомъ благородномъ спортѣ любители

азартной игры будутъ ставить свои ставки не на злобу и рѣзвость охотничьихъ собакъ, не на капризную прихоть жокея и скаковой лошади, не на сомнительныя акціи существующихъ и не существующихъ предпріятій, а на такой деликатный и нѣжный, хотя тоже не чуждый случайности и періодическихъ колебаній объектъ, какъ убѣжденіе. Такимъ образомъ, если мнѣ удалось, какъ я надѣюсь, соединить пріятное съ полезнымъ, то трудное и щекотливое дѣло лучшаго опредѣленія степени убѣжденности современныхъ писателей отнынѣ становится на ноги и по всѣмъ видимостямъ пойдетъ далеко.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ КЪ ПРОЭКТУ ЗАПИСКА.

Если читатель повѣритъ мнѣ на слово, когда я скажу, что я очень внимательно слѣдилъ за лучшими литературными произведеніями нашего времени, то ему не придется раскаиваться въ своемъ довѣріи. А это довѣріе мнѣ теперь необходимо для того, чтобы установить одно очень серьезное и знаменательное положеніе. Вотъ оно; въ настоящее время достигла еще небывалаго совершенства одна изъ формъ литературнаго творчества, а именно форма проэкта. Составители проэктовъ часто обнаруживаютъ такой полетъ воображенія и логики, такой подъемъ краснорѣчія и убѣдительности, такую мощь стремительности и нажима, что имъ по справедливости могли бы позавидовать ораторы древности и лирическіе поэты нашего времени. Особый блескъ вдохновенія и эрудиціи они обыкновенно проявляютъ въ объяснительныхъ запискахъ, къ проэктамъ прилагаемыхъ, ибо именно въ этихъ-то запискахъ они и выясняютъ всѣ выгоды и преимущества своихъ проэктовъ.

Видя въ этомъ примѣръ, вполнѣ достойный подраженія, и я прилагаю къ своему проэкту такую же объяснительную записку, хотя заранѣе прошу

благосклонныхъ читателей о снисхожденіи, если мои слабыя силы окажутся недостаточными для такой грандіозной задачи.

На первомъ мѣстѣ и съ чувствомъ особеннаго удовлетворенія я имѣю полную возможность отмѣтить то лестное для меня обстоятельство, что осуществленіе моего проэкта будетъ въ значительной мѣрѣ содѣйствовать успѣхамъ отечественной промышленности и торговли, ибо, открывая, такъ сказать, новый рынокъ для обмѣна цѣнностей, этимъ самымъ я содѣйствую оживленію денежнаго обращенія и открываю новую область фондовыхъ колебаній. Кромѣ того,—и на это прошу обратить самое серьезное вниманіе,—такъ какъ всѣ платежи и разсчеты по операціямъ этого рода могутъ и должны быть обложены опредѣленнымъ государственнымъ сборомъ, то я, создавая новую область государственнаго обложенія, этимъ самымъ открываю возможность для сокращенія другихъ статей государственной смѣты.

Не скрою отъ читателей, что я буду безконечно радъ, если мнѣ удастся привлечь къ моему проэкту просвѣщенное вниманіе со стороны высшихъ финансовыхъ сферъ, ибо по условіямъ настоящаго времени самый блестящій проэктъ превращается въ макулатуру, если не встрѣтитъ сочувствія, одобренія и поддержки у геніальныхъ руководителей нашей мудрой финансовой политики. А я имѣю полное право разсчитывать на эту поддержку, ибо предлагаю несомнѣнно выгодное и блестяще организованное дѣло, которое, съ каждымъ годомъ расширяясь въ

своемъ примѣненіи, представить въ будущемъ одну изъ такихъ же существенныхъ статей государственной доходности, какъ, напримѣръ, винная монополія.

Кромѣ того, учрежденіе при третейскихъ по дѣламъ объ убѣжденности судахъ тотализаторовъ,— какъ я имѣлъ уже случай отмѣтить выше,—окажетъ самое благотворное вліяніе на смягченіе и облагороженіе нравовъ. Считаю нужнымъ пояснить эту мысль на слѣдующихъ соображеніяхъ. До сихъ поръ то величіе духа и исключительное благородство, которыя всегда и нерасторжимо связаны съ вопросами объ идейныхъ убѣжденіяхъ, расцвѣтали, такъ сказать, въ тѣни, вдали отъ широкой арены современной общественности, возбуждали восторгъ и поклоненіе только въ тѣсномъ и замкнутомъ кругу лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, въ нѣдрахъ партіи, окопавшейся и окружившей себя траншеями и рвами въ томъ или другомъ изъ боевыхъ журнальныхъ лагерей. Отнынѣ этого не будетъ. Отнынѣ,—при помощи системы штрафовъ и обязательныхъ состязаній съ одной стороны, и при могущественномъ содѣйствіи тотализатора съ другой,—высокое благородство идейной убѣжденности съ горныхъ вершинъ прольется въ долины, какъ вешняя вода въ половодье затопитъ луга и тучныя пажити и разнесетъ свой благодатный илъ до самыхъ отдаленныхъ окраинъ нашей обширной родины. То, что было доступно немногимъ избраннымъ умамъ, при помощи тотализатора пробьетъ пласты народной массы, найдетъ живой откликъ у станка ремесленника и у сохи земледѣльца, разгонитъ мракъ народнаго невѣжества и всю область умственной жизни въ странѣ сдѣлаетъ подвижнѣе и эластичнѣе. Какъ ледъ на вершинѣ снѣжной горы подъ первыми лучами восходящаго солнца, интеллигентность и убѣжденность массъ станетъ прозрачнѣе и воздушнѣе, ибо вопросы объ убѣжденности, проникнувъ своими лучами всю толщу народной массы, озарятъ всѣ углы и закоулки будничной и обиходной жизни и станутъ такими же заурядными явленіями, какъ ярмарка или очередной базаръ въ большомъ селѣ. Такимъ образомъ, вопросъ о насажденіи нравственности въ селахъ, деревняхъ и фабричныхъ поселкахъ найдетъ для себя достаточно разрыхленную почву, которая при первыхъ же посадкахъ произраститъ опредѣленные для нея злаки, и этотъ вопросъ, если и не будетъ рѣшенъ разъ навсегда, то во всякомъ случаѣ будетъ предрѣшенъ, и его окончательное рѣшеніе будетъ зависѣть только отъ остроумія и находчивости продолжателей моего дѣла.

Въ самомъ дѣлѣ, если на нравственное совершенствованіе писателей, вождей человѣчества и учителей жизни нельзя смотрѣть, какъ на quantité négligeable, то еще меньше, конечно, можно смотрѣть такъ на нравственное совершенствованіе народныхъ массъ. Если послѣднею цѣлью всѣхъ думъ и стремленій какъ государства и общества, такъ и каждаго отдѣльнаго человѣка, является культурный подъемъ всего человѣчества на доступныя для него высоты, то разъ для этого въ моемъ проэктѣ является

полная возможность, нельзя откладывать дѣло въ долгій ящикъ и надо ковать желѣзо, пока горячо.

Не всякій авторъ проэкта—съ этимъ, надѣюсь, спорить не будутъ—можетъ, какъ я, похвастаться тѣмъ, что онъ—такъ сказать, однимъ ударомъ—даетъ могучій толчокъ какъ для матеріальнаго преуспѣянія своего народа, такъ и для его духовнаго и нравственнаго совершенствованія.

Уже и этого, конечно, было бы вполнѣ достаточно, чтобы обезпечить моему проэкту сочувствіе всѣхъ передовыхъ мыслителей, всѣхъ истинныхъ патріотовъ и всѣхъ здравыхъ политиковъ, если бы даже мой проэктъ и не имѣлъ за себя еще и иныхъ выгодъ и преимуществъ.

По осуществленіи моего проэкта современный романъ, русская драма и отечественная поэзія обогатятся новыми сюжетами и новымъ содержаніемъ на предметъ художественнаго воплощенія. Здѣсь,—такъ какъ я въ высшей степени дорожу тѣмъ, чтобы читатель вполнѣ и до конца понялъ мою основную мысль,—я вынужденъ сдѣлать небольшое отступленіе и указать на ближайшія измѣненія въ нѣкоторыхъ областяхъ общественной жизни, имѣющей переродиться и обновиться подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ моего проэкта.

Нѣкоторые изъ ретроградныхъ умовъ минувшихъ столѣтій имѣли непохвальную привычку утверждать что люди всегда люди и только люди и такими останутся до скончанія вѣка. Я, конечно, не раздѣляю этого мнѣнія, ибо оно, очевидно, пытается

загородить дорогу для идеи безконечности человѣческаго прогресса и нескончаемости общественной эволюціи. Но, и при неизмѣримо большемъ соотвѣтствіи моихъ убѣжденій съ главнымъ догматомъ безконечности прогресса и нескончаемости эволюціи, я все таки вынужденъ допустить, что и по осуществленіи моего проэкта, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, люди останутся только людьми, т. е. до поры до времени будутъ обнаруживать тѣ достоинства, недостатки и слабости, которыя до сихъ поръ считались прирожденными свойствами людской породы. Но при новомъ порядкѣ вещей все это пестрое разнообразіе человѣческихъ характеровъ, всѣ эти послѣдовательные ряды характерныхъ оттѣнковъ отъ энтузіазма и героизма до пошлости и ничтожества—получатъ новое—не столько нравственное, сколько логическое—освѣщеніе и этимъ, несомнѣнно, выиграютъ въ блескѣ и выразительности.

И тогда, конечно, найдутся и скряги, эти Плюшкины будущаго, которые при вполнѣ достаточномъ запасѣ фактовъ, соображеній и доказательствъ, не пожелаютъ рисковать своимъ карманомъ и, сваливая въ одну кучу всѣ собираемые матеріалы, застынутъ въ нерѣшительности и по справедливости будутъ причтены къ лику мертвыхъ душъ. Найдутся, конечно, и люди горячей, почти цыганской крови, какъ Ноздревъ, которые, въ азартной погонѣ за впечатлѣніями, за самое несуразное убѣжденіе поставятъ на ставку послѣдняго борзаго щенка или пенковую трубку и, продувшись въ пухъ и прахъ,

пожелаютъ отыграться, передвигая шашки рукавомъ халата.

Само собою разумѣется, что типы и сюжеты для лучшихъ образцовъ комедіи, трагедіи и драмы при новомъ порядкѣ вещей особенно ярко обрисуются въ редакціяхъ газетъ и журналовъ. Тамъ мы увидимъ, какъ редакторы и издатели передъ нѣкоторыми изъ своихъ сотрудниковъ со слезами на глазахъ будутъ становиться на колѣни и будутъ умолять ихъ высказываться въ передовыхъ статьяхъ и маленькихъ фельетонахъ съ большею степенью увѣренности и опредѣленности, а тѣ—изъ побужденій своекорыстія, разсчетливости и бережливости — будутъ отнѣкиваться и, не соблазняясь даже повышеніемъ гонорара, упорствовать въ своей нерѣшительности. Но тамъ же мы увидимъ и другихъ сотрудниковъ, которымъ редакторы и издатели будутъ непомѣрно понижать построчную и полистную плату, чтобы обуздать ихъ стремительность и склонность убѣждаться легко и скоро, но безъ всякихъ для этого основаній.

Изъ помѣщенія конторъ и редакцій повременныхъ изданій отзвуки этихъ трагедій, драмъ и комедій широкими кругами разойдутся по поверхности массы читающей публики и отразятся тамъ, какъ солнце въ малой каплѣ водъ. Тогда у будущаго Гоголя Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ поссорятся не изъ за презрѣннаго гусака, а изъ за убѣжденности тѣхъ или иныхъ вождей человѣчества и учителей жизни. Тогда на Сорочинской ярмаркѣ паробки, чтобы познакомиться съ красивою

дивчиною, будутъ предлагать ей самыя рискованныя пари за или противъ своихъ любимцевъ изъ того или другого литературнаго лагеря.

Тогда читатели, выбирая для себя газету по вкусу, тоже разобьются на отдѣльныя группы, даже не выходя изъ предѣловъ своего лагеря, и подписными деньгами будутъ поддерживать писателей не только своей партіи, но и своего темперамента. Тогда писатели и читатели будутъ дѣлиться на излишне убѣжденныхъ, просто убѣжденныхъ, мало убѣжденныхъ и совсѣмъ неубѣжденныхъ, а только приписанныхъ къ знамени ради большей точности и округленности статистическихъ исчисленій.

Если бы я былъ знакомъ съ кѣмъ-либо изъ современныхъ романистовъ, я обратился бы къ нему съ просьбою высказать свое мнѣніе о томъ, насколько я правъ, когда утверждаю, что мое предложеніе будетъ содѣйствовать занимательности и оригинальности современнаго романа. Впрочемъ, это ясно и не для романиста. Разнообразіе и типичность характерныхъ особенностей на этой почвѣ—готовятъ много вѣнковъ для талантливыхъ бытописателей будущаго общества. Для примѣра отмѣчу нѣсколько новыхъ схемъ и сюжетовъ.

Вотъ благородный юноша, который почти на порогѣ жизни потерялъ все свое наслѣдственное состояніе, рискнувъ настойчиво утверждать, что народы дикіе, утрачивая подъ давленіемъ обстоятельствъ любовь къ свободѣ, должны быть пріучаемы къ порядку не скорпіонами, а простыми бичами.

Вотъ крупный предприниматель, финансовый геній, который—при дружной поддержкѣ могущественнаго синдиката, при дѣятельномъ и, конечно, вполнѣ безкорыстномъ содѣйствіи популярнѣйшихъ профессоровъ—организовалъ компанію для пропаганды—во имя гуманности и справедливости—того убѣжденія, что народы дикіе, утрачивающіе любовь къ свободѣ, могутъ пріобрѣсти любовь къ порядку только подъ просвѣщеннымъ и мудрымъ руководствомъ крупныхъ предпринимателей и капиталистовъ. Подъ громъ ныхъ аплодисментовъ, подъ радостныя и торжествующія фанфары оркестровъ струнной и духовой музыки, онъ, любимый и уважаемый, какъ тріумфаторъ, является на каждой эстрадѣ каждаго благотворительнаго общества и у его дверей съ ранняго утра стоятъ толпы интервьюеровъ и репортеровъ. Онъ, прославленный герой новаго времени, стоитъ на вершинѣ земного величія и, какъ новый Немвродъ, съ вершины новой вавилонской башни готовъ грозить небу ради общаго и бо̀льшаго смѣшенія языковъ.

На фонѣ новаго порядка вещей въ немеркнущемъ сіяніи поднимутся изящные духовные силуэты благороднѣйшихъ женщинъ, пожертвовавшихъ всѣми благами жизни ради своего убѣжденія.

Вотъ задумчивое и серьезное лицо молодой дѣвушки, отъ котораго вѣетъ безконечною печалью и грустнымъ разочарованіемъ. Она посмѣла утверждать, что народы дикіе любятъ и свободу, и порядокъ, а народы образованные не любятъ ни свободы, ни порядка, а любятъ пожить въ свое удовольствіе.

Бѣшеныя гоненія и стремительный натискъ со всѣхъ сторонъ не сломили бы гордой энергіи молодой души, если бы и онъ, герой ея первой дѣвической мечты, не сталъ въ ряды ея противниковъ и не повелъ противъ нея азартной игры съ вѣрнымъ разсчетомъ обосновать свое благосостояніе на ея разореніи. Но, побѣжденная и одинокая, она съ достоинствомъ переноситъ лишенія и скорби, и рѣчь ея полна какой-то странной, почти чарующей силы.

Можетъ быть, это и правда, что женщинѣ свойственно бороться съ цѣпями и оковами логическаго мышленія и болѣе интересоваться не сущностью вопроса, а его подробностями. Но при измѣнившихся условіяхъ жизни и въ этомъ отношеніи остается достаточно простора какъ для кроткой Офеліи, такъ и для дѣятельной леди Макбетъ.

Вотъ съ балкона изящной виллы молодая элегантная дама задумчиво смотритъ на зеленоватыя воды итальянскаго озера. И она по своему несчастна. Вся эта роскошь принадлежитъ не ей. Эту уютную виллу предоставили въ ея распоряженіе ея друзья, заправилы международныхъ и колоніальныхъ банковъ, когда она потеряла все свое огромное состояніе, занявшись дѣятельною пропагандою своего убѣжденія. Она обладала исключительною силою слова, и ея голосъ звучалъ увѣренно и властно. «Статистика давно уже доказала,—не разъ говорила она съ эстрады,—что народы дикіе не питаютъ любви къ народамъ образованнымъ и за это, какъ и буры, эти враги культуры и порядка, надлежатъ устране-

нію въ интересахъ высшей справедливости». Теперь же съ презрительной и надменной улыбкой она вспоминаетъ былыя битвы и бури и не слышитъ наивной и страстной пѣсни смуглаго и статнаго итальянца, который съ лодки даетъ серенаду подъ ея балкономъ.

Вотъ цвѣтущая краснощекая дѣвушка, почти ребенокъ, съ ясными и чистыми глазами, съ привѣтливой улыбкой на свѣжихъ губахъ, — но она уже бобылка, мірская захребетница, которая по милости сельскаго схода живетъ на мірскихъ хлѣбахъ, потерявъ и то немногое, что она когда-то имѣла. По-дѣтски просто, но сильно и убѣдительно она говорила, что народы образованные отнюдь не питаютъ любви къ народамъ дикимъ и что это очень нехорошо.

Но, такъ какъ я не беллетристъ, то съ моей стороны было бы рискованно предвосхищать темы и сюжеты у беллетристовъ, такъ сказать, по праву рожденія или по роду занятій, ибо они во всякомъ случаѣ больше понимаютъ въ своемъ ремеслѣ, чѣмъ я.

Такимъ образомъ, содѣйствуя размноженію новыхъ типовъ и разновидностей человѣческаго характера, я имѣю полное право утверждать, что въ то же время я содѣйствую и успѣхамъ отечественной словесности, и если не представляю своего проэкта на соисканіе пушкинской преміи, то только потому, что самому добиваться денежной преміи и академическихъ лавровъ какъ-то неловко, а тамъ даютъ премію только тому, кто ея ищетъ и проситъ, т. е.

безстыднику. Во всякомъ случаѣ, по всей справедливости я могу сказать, что при новомъ порядкѣ вещей не тѣ стихи понесутъ въ редакціи газетъ и журналовъ поэты и не тѣ пѣсни будетъ пѣть мать надъ колыбелью своего ребенка.

Но я предполагаю, что мои заслуги передъ русскою литературою и этимъ далеко не исчерпываются. Содѣйствуя отечественной словесности доставленіемъ ей совершенно новаго и до сихъ поръ никѣмъ еще не использованнаго содержанія на всемъ протяженіи ея творчества и во всемъ разнообразіи ея формъ, — я въ то же время оказываю спеціальныя услуги нѣкоторымъ отраслямъ и отдѣламъ литературы путемъ коренного и цѣлесообразнаго ихъ преобразованія.

Такъ, составленіе некрологовъ, — надѣюсь, что съ этимъ согласятся всѣ наблюдательные и вдумчивые читатели газетъ и журналовъ, — до сихъ поръ было оборудовано — пользуюсь выраженіемъ нашихъ дѣльцовъ, подражающихъ говору подрядчиковъ и десятниковъ, — весьма неважно. Составители некрологовъ часто позабывали, что некрологъ есть одинъ изъ видовъ почетнаго отличія для смертныхъ, только что еще разъ доказавшихъ смертность человѣческой породы. Въ виду полнаго отсутствія должностныхъ лицъ и компетентныхъ учрежденій для опредѣленія того, достоинъ ли данный новопреставленный некролога или нѣтъ, а если достоинъ, то какого именно, — составители некрологовъ, предоставленные исключительно своей собственной сообразительности и изворотливости, нерѣдко погрѣшали превышеніемъ

власти или недозволительнымъ попустительствомъ. Это блестяще доказывается уже и тѣмъ, что неоднократно бывали случаи возвращенія авторамъ некрологовъ, написанныхъ вполнѣ литературно и даже не безъ поэтическаго одушевленія, исключительно по мизерности сюжета, т. е. общественнаго положенія и достаточности заслугъ покойнаго.

Но даже и въ томъ случаѣ, если составители некрологовъ правильно рѣшаютъ первую половину вопроса, т. е. удостоиваютъ этого отличія усопшихъ, дѣйствительно заслуженныхъ, этимъ все таки еще не окончательно устраняется возможность ошибки или неправильности какъ въ количественныхъ, такъ и въ качественныхъ градусахъ и степеняхъ некролога. Составители некрологовъ, какъ извѣстно, подъ первымъ впечатлѣніемъ отъ скорбнаго извѣстія о смерти фельетониста, профессора, учителя жизни или вождя человѣчества, сплошь и рядомъ отъ волненія и возбужденія теряютъ почву подъ ногами,— чтобы не опоздать съ сообщеніемъ, производятъ оцѣнку заслугъ покойнаго на скорую руку, ради бо̀льшаго впечатлѣнія сгущаютъ краски и по добродушію или благожелательности преувеличиваютъ значеніе утраты, отчего въ нѣкоторыхъ некрологахъ неправильно оказывается строкъ двадцать, а то и всѣ полстолбца, хотя и оплоченныхъ причитающимся гонораромъ, но по существу дѣла лишнихъ. Сравнительно въ гораздо лучшемъ положеніи оказываются тѣ выдающіеся литературные труженики этой спеціальности, которые составляютъ некрологи еще при

жизни подлежащаго писателя, иногда задолго до его смерти, а въ исключительныхъ случаяхъ даже со словъ лица, имѣющаго въ свой срокъ скончаться, что, очевидно, пролагаетъ дорогу для совершенно новой формы литературнаго творчества, а именно (по аналогіи съ автобіографіями) для автонекрологовъ. Я не буду входить въ обсужденіе по существу этой новой нѣсколько сомнительной и непривычной отрасли литературы (сомнительной, ибо не каждый дѣятель, подводящій итоги своей дѣятельности, имѣетъ достаточно полное и всестороннее представленіе о своихъ заслугахъ и при подведеніи итоговъ можемъ и не устоять противъ искушеній и соблазновъ), но отмѣчу только, что и автонекрологи, облегчая и упрощая трудъ редакціи, безъ моего проэкта легко могли бы получить права гражданства, какъ таковыя права уже получили отзывы о новыхъ книгахъ, составляемые авторами этихъ книгъ. Но это только къ слову. Составители некрологовъ, составляемыхъ при жизни подлежащихъ посмертному прославленію лицъ, конечно, имѣютъ возможность на досугѣ зрѣло обдумать размѣры некролога и надлежащую мѣру въ должномъ подъемѣ чувства, но это еще не вполнѣ обезпечиваетъ ихъ отъ склонности къ преувеличенію. Въ совершенно правильномъ и вполнѣ естественномъ предположеніи, что масломъ каши не испортишь, они, искусственно растягивая размѣры некролога, пытаются замаскировать истинную причину его протяженности приподнятостью тона и чрезмѣрностью скорби, что имъ иногда и удается, ибо

редакторъ, вычеркнувъ многое, иногда и оставляетъ нѣчто, подлежащее оплатѣ по установленной цѣнѣ.

При отсутствіи систематичности, опредѣленности и должной регламентаціи въ этой области возникаетъ одно, но серьезное неудобство, оскорбительное для народной гордости. Тотъ, кто вѣритъ на слово торжествующимъ вѣстникамъ сенсаціонныхъ кончинъ и упокоеній, начинаетъ проникаться горделивымъ сознаніемъ, что мы имѣемъ огромный запасъ величайшихъ философовъ и поэтовъ, мудрыхъ государственныхъ дѣятелей и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ на предметъ пополненія отечественнаго пантеона. Но эта гордость въ огромномъ большинствѣ случаевъ оказывается краткосрочною, ибо покойники только въ рѣдкихъ случаяхъ оправдываютъ надежды, возлагаемыя на нихъ составителями некрологовъ, въ чемъ, конечно, не всегда слѣдуетъ винить усопшихъ, какъ лицъ, переставшихъ быть прикосновенными къ дѣлу. Если, напримѣръ, при внезапной и строгой ревизіи означеннаго пантеона, въ немъ не окажется на лицо еще столь недавно прославленныхъ покойниковъ, многіе изъ обывателей придутъ, конечно, въ крайнее негодованіе, предполагая здѣсь или преступное расхищеніе, или легкомысленную растрату, а составители некрологовъ, сдѣлавъ видъ, что это ихъ нисколько не касается, погрузятся въ составленіе и подготовленіе новыхъ некрологовъ съ тѣмъ же увлеченіемъ и съ тою же блестящею техникою изложенія.

Но, если пройдетъ мой проэктъ, все коренным

образомъ измѣнится въ этой отрасли литературнаго творчества. Въ день или наканунѣ смерти подлежащаго писателя составитель некролога на счетахъ или на аспидной доскѣ подсчитываетъ число и сумму ставокъ этого писателя за убѣжденія, число и сумму его проигрышей и выигрышей, въ общихъ чертахъ отмѣчаетъ сущность тѣхъ убѣжденій, изъ за которыхъ шла особенно азартная игра какъ въ камерахъ третейскихъ судовъ, такъ и во всей странѣ, въ общихъ цифрахъ указываетъ итоги дѣятельности тотализатора и на основаніи этихъ данныхъ составляетъ ариѳметическую табличку или—еще лучше—для наглядности геометрическій чертежъ, гдѣ плюсы и минусы, расположенные параллельно, сразу же въ рубляхъ и копѣйкахъ дадутъ самое точное показаніе какъ о градусахъ умственной силы и талантливости почившаго, такъ и объ его темпераментѣ. Тогда въ этихъ вопросахъ безусловно не будетъ мѣста ни для обмана, ни для ошибки. И тогда составители некрологовъ будутъ имѣть болѣе скромное, но и менѣе отвѣтственное значеніе, а именно, только бухгалтеровъ при складѣ славы и величія современныхъ писателей и дѣятелей.

Если мнѣ скажутъ, что въ данномъ случаѣ я имѣю дѣло съ очень скромною и сравнительно незначительною формою словесности, то, во первыхъ, я буду горячо протестовать противъ этого, а, во вторыхъ, замѣчу, что въ данномъ случаѣ я, такъ сказать, стою на рубежѣ двухъ міровъ и выступаю на защиту не только живыхъ, но и умершихъ, которые

до моего проэкта нигдѣ и никакимъ заступничествомъ не пользовались. Слѣдовательно, если только въ моемъ проэктѣ открывается возможность систематизировать и оборудовать это великое и благочестивое дѣло, то мой проэктъ долженъ быть принятъ весь цѣликомъ для огражденія спокойствія живыхъ и добраго имени мертвыхъ.

Теперь въ порядкѣ развитія моей мысли я долженъ былъ бы говорить о тѣхъ услугахъ, которыя я оказываю своимъ проэктомъ современной критикѣ. Но о критикѣ и критикахъ я говорить не буду, ибо, во первыхъ, боюсь критики, и, во вторыхъ, безъ благосклоннаго содѣйствія критики было бы безразсудно разсчитывать на осуществленіе моего проэкта и на сбытъ моей брошюры.

Но я не умолчу объ историкахъ нашей литературы, ибо, съ одной стороны, это народъ болѣе безобидный, а съ другой—не менѣе нуждающійся въ оборудованіи и перерожденіи на точномъ основаніи моего проэкта.

Мнѣ это очень печально, но я долженъ признаться, что до меня въ этой области все еще были замѣтны слѣды какого-то первобытнаго хаоса. До меня не было ни одной дѣйствительно прочно установившейся литературной репутаціи, кромѣ, быть можетъ, репутаціи В. К. Тредьяковскаго и извѣстнаго поэта Баркова. Всѣ остальные писатели все еще состоятъ подъ замѣчаніемъ той или другой критики. Еще недавно намъ пришлось читать очень талантливые и ученые очерки по исторіи русской

культуры, гдѣ авторъ, въ силу своей убѣжденности, въ пухъ и прахъ разноситъ Юрія Крижанича, какъ идеолога московской государственности, ибо авторъ въ силу той же убѣжденности негодуетъ какъ на самый фактъ существованія русской исторіи, такъ и на то, что главныя событія русской исторіи сложились именно такъ, а не въ бо̀льшемъ соотвѣтствіи съ убѣжденіями автора, причемъ по предположенію автора всѣ выдающіеся историческіе дѣятели съ успѣхомъ могли бы быть замѣнены другими, лучшими—ради торжества идеи, что и слѣдуетъ непремѣнно сдѣлать. Человѣку робкому и неиспытанному въ журнальныхъ бояхъ было бы очень рискованно дать совѣтъ написать книжку или статейку о произведеніяхъ такихъ партійныхъ и тенденціозныхъ писателей, какъ Даніилъ Заточникъ, протопопъ Аввакумъ или Никита Пустосвятъ (если отъ достопочтеннаго Никиты остались какія-либо произведенія), ибо легко могло бы случиться, что авторъ по совершеніи этого дѣянія оказался бы надъ перекрестнымъ огнемъ убѣжденности и былъ бы,—говоря языкомъ петровской эпохи,—достаточно аркебузированъ и весьма живота лишенъ.

Примѣчательно то обстоятельство, что степень опасности увеличивается по мѣрѣ поступательнаго движенія отъ временъ давно минувшихъ къ временамъ минувшимъ недавно. Это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что редакторы и ближайшіе сотрудники вліятельныхъ и уважающихъ себя органовъ печати въ жизни и трудахъ скончав-

шихся писателей и дѣятелей интересуются исключительно только тѣми подробностями и фактами, на основанiи которыхъ утверждаютъ свое право сказать или—«онъ нашъ (да пройдетъ имя его въ роды и роды)», или—«онъ не нашъ (да проклянутъ имя его проклинающiе Левiаѳана)». Въ виду этого, при господствующей нынѣ системѣ убѣжденности, въ юбилейные дни и поминальныя годовщины великихъ писателей и великихъ дѣятелей испытывается то ощутительное неудобство, что - или по недосмотру вдохновителей газетъ и журналовъ, или въ отдѣльныхъ книгахъ и брошюрахъ,—появляются—иногда даже въ значительномъ и часто нежелательномъ количествѣ—новые факты, которые отнюдь не подходятъ подъ рубрики существующей убѣжденности, такъ сказать факты дикiе, не подчиняющiеся дисциплинѣ партiи и, поэтому, подозрительные по своей безписьменности и своеволiю. Разумная и на опытѣ испытанная система безусловнаго игнорированiя подобныхъ фактовъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не даетъ достаточнаго обезпеченiя въ томъ, что эти факты въ будущемъ, дѣйствуя скопомъ, не потрясутъ основъ современной убѣжденности и не объявятъ эту область научныхъ изысканiй, за отсутствiемъ законныхъ владѣльцевъ и хозяевъ, общею собственностью съ размежеванiемъ участковъ по межѣ, до которой топоръ и соха новыхъ поселенцевъ ходили. А это смело бы, какъ паутину, всѣ системы существующей убѣжденности.

Эта опасность представляется еще болѣе серьезною, если принять во вниманiе, что при господствующей системѣ убѣжденность мирится только съ немногими, уже приспособленными для нужныхъ цѣлей фактами, въ общемъ плохо уживается съ грубымъ насилiемъ и деспотизмомъ фактовъ и въ своей области стремится къ полной автономiи. Заслуживаетъ вниманiя и то обстоятельство, что въ настоящее время убѣжденность возростаетъ въ степени и напряженности по мѣрѣ постепеннаго уклоненiя отъ фактовъ, когда она съ каждымъ шагомъ впередъ разоблачается отъ стѣснительной опытной и чувственной оболочки, и достигаетъ полной энергiи и рѣдкаго полемическаго задора только на тѣхъ вершинахъ, на которыхъ она совлекается до нага, т. е. когда она, не только голая, но и почти безтѣлесная, отрясаетъ отъ своихъ ногъ прахъ фактовъ, доказательствъ и знанiя.

При такомъ порядкѣ вещей для историковъ русской литературы создается дѣйствительно невыносимое положенiе. Если историкъ наберетъ огромное количество фактовъ, смыслъ которыхъ лежитъ внѣ сферы освѣщенiя по системамъ современной убѣжденности, никто не поблагодаритъ его за этотъ сизифовъ трудъ, такъ какъ эти факты не только безполезны, но и вредны, ибо, разсѣивая лучи убѣжденности по новой области, мѣшаютъ идейности и принципiальности мышленiя, сильной только въ своей сомкнутости и сосредоточенности. Если же авторъ пожелаетъ подгонять факты подъ ту или другую систему существующей убѣжденности, то и тогда

онъ только даромъ потеряетъ трудъ и время, ибо въ этой области г. Скабичевскій въ своей «Исторіи новѣйшей литературы» заблаговременно подобралъ всѣ лавры и предусмотрительно обломалъ вѣтки и сучья на лавровыхъ деревьяхъ.

Въ этомъ случаѣ современная убѣжденность, насколько я понимаю дѣло, исходитъ изъ того вѣрнаго и разумнаго убѣжденія, что человѣкъ есть мѣра вещей, и поэтому вещи сами по себѣ для него никакого значенія не имѣютъ, чего до сихъ поръ обскуранты не понимали, да не понимаютъ и въ настоящее время. Не вещи, т. е. факты, господствуютъ надъ сознаніемъ человѣка, а человѣкъ въ своемъ сознаніи господствуетъ надъ вещами, т. е. фактами, и, какъ неограниченный властелинъ, требуетъ отъ исторіи и науки такихъ даней и выходовъ, какихъ только пожелаетъ. При этомъ суровомъ режимѣ историкъ русской литературы поневолѣ входилъ въ роль тѣхъ помѣщичьихъ шутовъ и скомороховъ, которые по обязанностямъ службы должны были умѣть угодить своему барину шуткой или сказочкой въ добрую минуту, но должны были держать языкъ за зубами въ минуты барской немилости и барскаго гнѣва.

Теперь въ эту темную, опасную и зловѣщую область я вношу свѣточъ своего проэкта и разрѣшаю невольничьи узы у историковъ русской литературы. Если исторія мидянъ темна и непонятна, если и исторіи русской литературы до конца XIX в. суждено остаться такою же темною и непонятною,

какъ исторія мидянъ, то съ начала XX в. исторія русской литературы будетъ ясна, какъ день, и понятна, какъ таблица умноженія. Въ каждой земской или церковно-приходской школѣ по стѣнамъ будутъ висѣть картограммы съ графическимъ изображеніемъ степени убѣжденности и заслугъ великихъ писателей и дѣятелей, и любой школьникъ на классной доскѣ или по пальцамъ высчитаетъ, на какую сумму, напримѣръ, будущій Бѣлинскій былъ убѣжденнѣе будущаго Гоголя, съ полною точностью докажетъ, что Гоголь въ своей «Перепискѣ съ друзьями» былъ убѣжденъ плохо, т. е. не въ ту точку, а Бѣлинскій въ своемъ знаменитомъ письмѣ лихо помирилъ, какъ выражаются въ одной картежной игрѣ, ставку Гоголя и пошелъ подъ него въ темную. Тогда въ области исторіи русской литературы установится такая простота отношеній и такая ариѳметическая ясность подсчета, что исторію русской литературы можно будетъ отнести къ разряду наукъ точныхъ.

Итакъ, подъемъ всѣхъ экономическихъ силъ страны, быстрое духовное и нравственное совершенствованіе общества и народа и блестящій расцвѣтъ литературы—вотъ ближайшія и непосредственныя послѣдствія немедленнаго осуществленія моего проэкта.

Но, даже къ моему собственному удивленію, и этимъ еще не исчерпываются выгоды отъ осуществленія моего проэкта.

Я былъ бы въ отчаяніи, если бы мой проэктъ не содѣйствовалъ осуществленію всеобщаго обученія въ Россіи. Но, къ счастью, онъ содѣйствуетъ—и даже

не введенію такого обученія, что предполагаетъ обязательность и принудительность, а пробужденію поголовнаго и добровольнаго стремленія къ грамотности и просвѣщенію. Газеты и журналы будутъ полны сообщеніями такого захватывающаго и жгучаго интереса, что спортивное увлеченіе по поводу ихъ отъ тотализаторовъ въ камерахъ третейскихъ по дѣламъ объ убѣжденности судовъ—черезъ трактиры, пивныя и чайныя столицъ и большихъ городовъ—дойдетъ до лужайки у дверей винной лавки въ деревнѣ и охватитъ весь могучій составъ нашей гражданственности вплоть до стѣнъ «потрясеннаго Китая». И тогда сбудется пророчество Некрасова. Мужикъ понесетъ домой съ базара «не Блюхера и не милорда глупаго», а самый свѣжій листъ газеты или новую книжку журнала, ибо въ противномъ случаѣ ему житья не дастъ его подростающее поколѣніе, проснувшееся отъ умственной спячки.

Именно такъ и совершится великій переворотъ въ общественной и литературной жизни нашей великой родины. Главную и наиболѣе отвѣтственную роль сыграетъ въ этомъ, конечно, тотализаторъ. И безразсудно будетъ смѣяться тотъ, кто посмѣется надъ моею вѣрою въ это могущественное и испытанное средство. Въ каждомъ практическомъ дѣлѣ, каково, напримѣръ, всеобщее обученіе, надо употреблять средства для достиженія цѣли дѣйствительно практическія, т. е. ведущія къ цѣли, а не довольствоваться платоническими и сентиментальными мечтаніями. Огромная жизнеспособность тотализатора

доказана на опытѣ. А этого отнюдь нельзя сказать ни про одну изъ тѣхъ мѣръ, которыя до моего проэкта были предлагаемы въ этомъ направленіи.

— Но вѣдь есть же въ вашемъ проэктѣ какіе-нибудь недостатки? — скажетъ, можетъ быть, иной нетерпѣливый читатель, всегда недовѣрчивый къ самымъ зрѣлымъ и къ самымъ обдуманнымъ произведеніямъ современнаго творчества.

— Есть одинъ и очень крупный,—смиренно и откровенно отвѣчу ему на это я.

Отнынѣ силою вещей оттѣсняются въ область преданія застольныя рѣчи краснорѣчивыхъ ораторовъ на обѣдахъ въ честь заслуженныхъ юбиляровъ въ сроки, опредѣляемые законами общительности и приличія. Такъ какъ, по новой системѣ чествованія, за спиною юбиляра на огромномъ экранѣ, озаренномъ искусственнымъ освѣщеніемъ, всѣми огнями радуги будетъ горѣть картограмма съ точнымъ обозначеніемъ градусовъ убѣжденности и заслуженности чествуемаго писателя или дѣятеля, то ораторамъ пришлось бы говорить или вопреки очевидности, что не всегда удобно, или объяснять то, что и безъ того каждому видно, а это скучно. Только въ историческихъ хрестоматіяхъ сохранятся образцы того пылкаго, пламеннаго, воистину бьющаго черезъ край вдохновенія, которое въ вольномъ и смѣломъ полетѣ высоко поднималось надъ холоднымъ и прозаическимъ подсчетомъ скучной дѣйствительности. Я убѣжденъ, что будущіе питомцы нашихъ школъ будутъ перечитывать эти импровизаціи съ такимъ же увле-

ченіемъ, съ какимъ мы когда-то учили наизусть отрывки изъ «Слова о полку Игоревѣ». И эти перлы краснорѣчія, конечно, вполнѣ заслуживаютъ этого.

Но эти чудныя рѣчи обречены на гибель, и я не знаю, чѣмъ можно было бы замѣнить ихъ. Во имя тѣхъ высшихъ соображеній, о которыхъ я говорилъ выше, необходимо принести эту великую жертву, какъ бы это ни было тяжело для самихъ ораторовъ и для ихъ восторженныхъ слушателей.

Слабымъ, безконечно слабымъ, но все таки достойнымъ упоминанія возмѣщеніемъ за эту утрату явится, можетъ быть, то обстоятельство, что отнынѣ участники подобныхъ обѣдовъ и сами юбиляры, при сравнительной тишинѣ въ пиршественной залѣ, не развлекаемые смѣною рѣчей и тостовъ, будутъ больше посвящать вниманія искусству повара, тонкости блюдъ и винъ и, можетъ быть, обнаружатъ больше аппетита, чего я имъ искренне и отъ души желаю.

Кладу перо. Я кончилъ. Я сказалъ все, что надо. Выгоды отъ осуществленія моего проэкта ясны. Но съ этимъ дѣломъ надо торопиться. Иначе можно упустить удобный моментъ. И, можетъ быть, я не ошибусь, если скажу: теперь или никогда. Если человѣчество не приметъ моего предложенія, то оно останется при системахъ прежней убѣжденности, заслоняющей дорогу всякому изученію, а поэтому и знанію. А если оно приметъ, все будетъ хорошо. За это я ручаюсь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.